ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 10 | 2026. Volume 19. Issue 10
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Поэтика газетных публикаций Джафера Сейдамета: публицистика и нарративная проза в зеркале событий Первого Крымскотатарского Курултая (1917-1918)

Киримов Т. Н.

Аннотация. Цель исследования состоит в концептуализации поэтики газетных публикаций Дж. Сейдамета периода I Крымскотатарского Курултая (1917-1918 гг.) как целостной художественно-риторической системы гражданской мобилизации. Она прослеживается в движении от ранней просветительской публицистики газеты “Terciman” («Переводчик») к оперативной риторике газеты “Millet” («Нация»), где концепты джадидизма обретают жанровую и метафорическую форму. Научная новизна заключается в разработке и применении интегративной макро- и микропоэтической модели анализа данного корпуса, что позволило впервые интерпретировать наследие автора не как набор исторических свидетельств, а как единую художественно-риторическую структуру. Полученные результаты показали, что год издания “Unutulmaz közyaşları” («Незабываемые слезы») корректируется на 1918-й по румийскому календарю (вместо 1916-го), а ранний манифест “Yigirminci asırda tatar milleti...” («Угнетенный татарский народ...») разграничен на кустарный (1910) и типографский (1912) этапы; в зарубежных редакциях “Milliy duyğu” («Национальное чувство») социально-критический пафос сглажен заменой лексем «мадам», «барышни» на “qadınlar”, “qızlar”. Метафора слез (közyaşlar) эволюционирует от фиксации коллективной травмы в “Terciman” к инструменту когнитивного прозрения нации; риторической основой призывов в “Millet” служит психологическая суггестия Ж.-М. Гюйо, а в гибридных рассказах-фельетонах “Milliy duyğu” и “Cın Mambet” («Одержимый Мамбет») концепт воли (irade) переходит от дефицита духа к категории характера (seciye); рецепция автора смещается от критики Б. Чобан-заде к «фигуре замалчивания» в трудах А. Крымского.

EN

The poetics of newspaper publications by J. Seydahmet (Kırımer): journalism and narrative short fiction in the mirror of the First Crimean Tatar Kurultai (1917-1918)

T. N. Kirimov

Abstract. The study aims to conceptualize the poetics of J. Seydahmet’s newspaper publications during the First Crimean Tatar Kurultai period (1917-1918) as an integrated literary-rhetorical system of civic mobilization. Its genesis is traced through the transition from the early enlightenment-oriented journalism of the “Terciman” (“The Interpreter”) newspaper to the topical political rhetoric of “Millet” (“The Nation”), where the concepts of Jadidism acquire specific generic and metaphorical forms. This study introduces a novel approach by developing and applying an integrative macro- and micropoetic analytical model to this source base, thereby interpreting the author’s literary legacy not merely as a body of historical evidence, but as a unified literary-rhetorical framework. The results demonstrate that the publication year of the prose collection “Unutulmaz közyaşları” (“Unforgettable Tears”) is revised to 1918 based on the Rumi calendar, superseding the traditionally cited 1916, while the early manifesto “Yigirminci asırda tatar milleti...” (“The Oppressed Tatar Nation...”) is textually demarcated into clandestine (1910) and official printing (1912) stages. Furthermore, in the foreign editions of the hybrid story-feuilleton “Milliy duyğu” (“National Feeling”), the socio-critical edge is attenuated by substituting the cross-cultural markers of inequality (“мадам” (madam) and “барышня” (miss)) with the autochthonous terms “qadınlar” and “qızlar”. Simultaneously, the metaphor of tears (közyaşlar) evolves from capturing collective trauma in “Terciman” into an instrument of cognitive awakening for the nation. Jean-Marie Guyau’s concept of psychological suggestion serves as the rhetorical foundation for the mobilizing appeals in “Millet”, whereas in the hybrid fiction pieces “Milliy duyğu” and “Cın Mambet” (“Possessed Mambet”), the concept of will (irade) shifts from a state of spiritual

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260497

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

deficiency to a core category of character (seciye). Finally, the historiographical reception of the author is shown to shift from B. Chobanzade's sociological critique to a deliberate strategy of silencing within Soviet academic discourse of the 1930s, specifically in the works of Academician A. Krymsky.

Введение

Актуальность исследования определяется необходимостью преодоления методологического разрыва в изучении крымскотатарской литературы начала XX века. Литературно-публицистическое наследие Дж. Сейдамета периода перехода от просветительского дискурса к парадигме национального самоопределения (прежде всего 1917-1918 гг.) до сих пор рассматривается преимущественно как историко-документальный источник, а не как эстетический объект. Это не только ограничивает понимание механизмов трансформации тюркомусульманских модернистских (джадидских) идеологем в художественно-риторические структуры гибридной прозы, но и приводит к конкретным искажениям в академической среде: неверной атрибуции дат публикаций и нивелированию фактов авторедактуры. Несмотря на филологические работы И. А. Керимова (2009; 2023), Т. Н. Куршутова (2013), системный анализ газетных корпусов (“Terciman” и “Millet”) как целостной художественно-риторической системы гражданской мобилизации остаётся нерешённой проблемой современного крымскотатарского литературоведения. Разработка интегративной макро- и микропоэтической модели позволяет устранить эти искажения и предложить инструмент для точной текстологической верификации и жанровой интерпретации гибридных текстов крымскотатарской литературы.

Крымскотатарская национальная пресса 1917-1918 годов, подчиняясь законам революционного времени, не столько фиксировала факты и события, сколько определяла векторы развития новой общественно-политической мысли. В этом контексте публицистический дискурс Дж. Сейдамета привлекает внимание своей двойственной природой. Его публикации, отражающие динамику социально-политических перемен в Крыму, вместе с тем закладывали идейно-теоретический фундамент I Крымскотатарского Курултая. Совмещая аналитическую выверенность с четкой гражданской позицией, Дж. Сейдамет отстаивает гражданскую субъектность и культурную преемственность не только своего народа, но и всего полиэтничного социума полуострова. В парадигме мусульманского модернизма (джадидизма) данный дискурс демонстрирует характерный для своего времени синтез публицистичности и нарративности. Современный исследователь творчества писателя-публициста, профессор И. Керимов (Керимов, 2009, с. 10), справедливо отмечает, что непрерывная общественно-политическая активность автора в целом сформировала его индивидуальный стиль.

В текстуальном пространстве публицистики Дж. Сейдамета прослеживаются идеи младотурецких реформ, европейского либерализма и критическая рефлексия в отношении имперской модели управления (Millet cevherleri, 2012, s. 105-171). Под их влиянием Русская революция 1917 года предстает перед автором шансом на национальное возрождение и в то же время серьезным экзистенциальным вызовом. Последний сопряжен с постоянной угрозой утраты народной воли и превращения крымскотатарского национального движения в объект чужой игры в условиях политической нестабильности. Сейдамет придерживается последовательного курса. В его трудах подвергаются критике как большевистский радикализм, так и инерция централистских установок в отечественной либеральной (кадетской) мысли. Достойным ответом на эти угрозы, по убеждению автора, выступают гражданская консолидация (bir vücut kibi), расширение деятельности Курултая и готовность народа отстаивать свои права (Millet cevherleri, 2012, s. 111-157).

Основу источниковой базы исследования составило публицистическое наследие писателя крымского периода, отражающее эволюцию его взглядов: от ранних статей в газете “Terciman” («Переводчик») с их парадигмой умеренного общетюркского просветительства до публикаций в печатном органе Курултая – газете “Millet” («Нация») времени революционных потрясений (*sarsıntılı devreler*). Вспомогательный пласт источников, необходимый для верификации историко-биографического и библиографического контекста, составили эго-документы автора (мемуары, письма), дебютная публицистика стамбульского периода, труды лет эмиграции, а также посмертные сборники его сочинений и публикации ближайших соратников.

Для достижения цели исследования поставлены следующие задачи:

1. Реконструировать эволюцию публицистического дискурса автора от просветительской парадигмы газеты “Terciman” к оперативной риторике газеты “Millet”.

2. Выявить макро- и микропоэтические механизмы его письма, определяющие риторический и суггестивный потенциал текстов.

3. Определить жанровую природу гибридных рассказов-фельетонов, в которых концепты джадидизма обретают жанровую и метафорическую форму.

4. Уточнить текстологические границы корпуса и реконструировать рецепцию творчества в критике и академическом дискурсе.

Исследование опирается на комплексный методологический аппарат. Текстологический и источниковедческий анализ первичных арабографических публикаций в газетах “Terciman” и “Millet” обеспечил их точную транслитерацию и верификацию понятийного аппарата мусульманского модернизма. Дискурсивный и лингвостилистический подходы позволили раскрыть суггестивный потенциал авторской риторики, выявив сквозные метафоры возрождения и специфические лексико-синтаксические итерации на микропоэтическом уровне. С помощью интертекстуального метода эксплицированы концептуальные связи текстов с традицией

джадидизма, концепциями европейского позитивизма и либерально-правовой мысли. Историко-ретроспективный подход в сочетании с хронологической классификацией источников позволил реконструировать эволюцию взглядов Дж. Сейдамета: от умеренных просветительских идеалов к прагматике национального движения в условиях революционных потрясений.

Анализ творческого универсума писателя осуществляется в двух ракурсах:

– *микропоэтическом,* ориентированном на изучение развернутых метафор культурного возрождения, мотивов жертвенного подвига и эмоциональных апелляций к народному единству. В этой плоскости исследуется поэтическая антитеза, диалектически связывающая величие золотоордынского и ханского прошлого с идеалами светлого будущего крымских татар. Ее ключевым воплощением служит максима соратника Дж. Сейдамета и председателя Курултая Н. Челебиджихана – *“Dirileri yaşatan ölülerdir”* (*«Живых пробуждает воля ушедших»*), наполняющая риторику национального возрождения глубоким смыслом преемственности поколений. Исследование также включает анализ лексических, синтаксических итераций и семантического параллелизма, которые в сочетании с риторическими фигурами придают текстам ораторскую динамику и усиливают их эмоциональное воздействие, превращая гражданский призыв в акт сопричастности;

– *макропоэтическом,* направленном на выявление жанровой динамики в публицистике Сейдамета (от социально-философских и этико-педагогических форм к гибридным формам публицистического дискурса) и интертекстуальных связей с исламской традицией, джадидизмом и европейской идеологической мыслью. В данном ракурсе рациональное обоснование национальных идей дополняется историческими вставками, цитатами, лирическими пейзажными зарисовками, которые, будучи интегрированными в повествовательную ткань, придают публицистике психологическую глубину и художественную целостность.

Такой интегративный подход позволяет проследить динамику публицистики Сейдамета как инструмента гражданской мобилизации: от откликов на события 1917-1918 годов и последовавшего упразднения органов национального самоуправления в ходе установления советской власти к трудам годов эмиграции, ставших периодом историософского осмысления трагедии, продолжения дипломатической деятельности по защите прав своего народа и сохранения национально-культурной идентичности в условиях диаспоры.

Предваряя дискурсивный анализ литературно-публицистического наследия Дж. Сейдамета, представляется необходимым систематизировать существующий исследовательский корпус (отметим, что в рамках данной статьи указаны наиболее репрезентативные источники, а не весь существующий массив литературы), формирующий теоретическую базу данного исследования. Это позволит не только обозначить ключевые векторы предшествующих изысканий и выявить концептуальные лакуны, но и методологически обосновать научную новизну данной работы. Современная историография воссоздает гражданскую и общественную деятельность публициста, фокусируясь на таких аспектах, как истоки и этапы развития крымскотатарского национального движения, а также роль Дж. Сейдамета в формировании органов самоуправления (Ülküsal, 1980; Kırımal, 2008; Kırımlı, 1996; Губогло, Червоная, 1992; Зарубин, Зарубин, 1996; Іванець, Когут, 2019); международные связи автора в эмиграции и рецепция его архивных документов (Otar, 1965; 1979; Özcan, 2013; Uzunağaç, 2022; Dündar, 2006; Исхаков, 2022; Gasimov, 2022; Sarı, 2024); вопросы этнонимии, тюркской идентичности и культурной модернизации в его текстах (Işık, Doğan, 2017; Сейдаметов, 2024). Несмотря на массивный исторический фундамент и наличие отдельных филологических трудов, посвященных стилю, этике и жанрово-сюжетному своеобразию его прозы (Керимов, 2009; Куршутов, 2013; Меметова, 2016; Панова, 2017; İpek, Durak, 2023), целостный литературоведческий анализ поэтики его газетных публикаций крымского периода отсутствует. Заполнение этой лакуны требует обращения к механизмам синхронной рецепции. Переоценка ранней публицистики Дж. Сейдамета невозможна без учета того, как имманентные свойства его идиостиля декодировались ближайшим окружением. В связи с этим методологическое построение исследования носит комплексный характер: современные теоретико-литературные подходы сочетаются с ретроспективным анализом суждений, оценок и отзывов соратников автора.

Практическая значимость исследования заключается в том, что предложенная микро- и макропоэтическая модель может быть применена при научном комментировании и аннотированном издании текстов газет “Terciman” и “Millet”, а также при дальнейшем изучении поэтики национальной журналистики начала XX века.

Обсуждение и результаты

Ранняя публицистика Дж. Сейдамета (1910 – нач. 1917 года): поэтика, рецепция, историография

Показательно, что отзывы современников, появлявшиеся параллельно с публикациями Дж. Сейдамета, часто отмечали художественно-стилистические достоинства его публицистики. Одним из первых свидетельств признания литературного дарования писателя стала редакторская заметка А. Айвазова в газете “Terciman” от 7 октября 1914 года под заголовком “Cafer efendi Seydahmet” («Джафер-эфенди Сейдамет»). Программную статью “Büyüklük nerde?..” («В чем величие?») (здесь и далее перевод наш. – *Т. К.*), выдержанную в традициях социально-философской проповеди, Айвазов называет образцом стилистического изящества и интеллектуальной зрелости, едва ли соотносимых с возрастом автора (İdareden, 1914; Qızıltaşlı, 1914a; Керимов, 2009, с. 7). Главной идеей статьи является величие *света* (*nur, ziya, yarıq*) просвещения и просветителей нации. Поэтический образ *света* не просто транслируется публицистическим языком, но переживается в виде яркого эстетического события, пробуждающего коллективное самосознание. В представлении Сейдамета, подлинное величие

принадлежит не носителям власти и богатства, а самоотверженным просветителям – *спасителям человечества* (*insanlığın qurtarıcıları*), которые на протяжении столетий выводят народы из мрака невежества и предрассудков к свету цивилизации, науки и культуры. Он противопоставляет им косные силы общества, в том числе искаженное использование религии, и видит в фигуре И. Гаспринского высшее воплощение национального величия, поскольку он в течение тридцати трех лет упорно нес своему народу свет просвещения.

Произведения Дж. Сейдамета нашло отражение и в литературно-критическом обзоре А. Одабаша “Qırımnıñ kitap yazıcıları” («Крымские писатели») (Millet cevherleri, 2012, s. 457). Работа представляет собой анализ творчества ряда крымскотатарских писателей начала XX века: И. Гаспринского, О. Акчокраклы, У. Тохтаргазы, А. Айвазова, У. Болатукова, С. и А. Озенбашлы и др. Рассматривая их вклад преимущественно сквозь призму просветительских задач национального возрождения, критик отмечает художественно-психологическую глубину произведений Сейдамета. В частности, он упоминает стамбульское издание прозаического сборника “Unutulmaz közyaşları” («Незабываемые слезы»). Вошедшие в него произведения ранее публиковались на страницах газет “Terciman” и “Millet” в 1917 году в форме фельетонов (Millet cevherleri..., 2012, s. 453-458; Seydahmet, 1917c; 1917d). Следует уточнить, что для того периода была характерна широкая трактовка жанра фельетона, предполагавшая не столько сатирическую направленность, сколько синтез художественного образа с публицистикой. Анализируя эти тексты, Одабаш подчеркивает эстетическую ценность книги и выделяет рассказ “Milliy duyğu” («Национальное чувство»), отмечая, что Сейдамету удалось преобразовать политические идеи в полноценный художественный феномен, соединив позиции идеолога с мастерством писателя. Вместе с тем, помимо вошедших в сборник произведений, в курултаевской газете был опубликован и рассказ “Cın Mambet” («Одержимый Мамбет», 1917), оставшийся вне поля зрения Одабаша (Seydahmet, 1917b). Современные филологические работы рассматривают главным образом сюжетно-этический строй прозы Сейдамета и почти не затрагивают поэтику его газетных публикаций (Керимов, 2009, Меметова, 2016; Панова, 2017; İpek, Durak, 2023).

Эмоционально-психологическая доминанта, выделенная Одабашем, наиболее отчетливо артикулирована в метафоре *слез*, объединяющей публицистический и художественный дискурсы Сейдамета. Данный образ восходит к публицистике первых лет творчества автора. На полосах газеты “Terciman” *слезы* становятся сквозным мотивом в статье-некрологе «Читателям “Переводчика”!» (“‘Terciman’ oquyıcılarına!”) по случаю кончины Гаспринского (Qızıltaşlı, 1914c), «Письме из Борисоглебска» о ссылке крымских татар – подданных Османской империи (“Borisoglebskiyden mektup”) (Seydahmet, 1914a), а также в философских размышлениях о национальном единстве «Если бы мы могли любить!» (“Sevebilsek!”) (Seydahmet, 1914c), «В чем величие?» (“Büyüklük nerde?”) (Qızıltaşlı, 1914a), «Наша социальная болезнь: безволие» (“İçtimaiy dertlerimizden: idaresizlik”) (Seydahmet, 1915b). В данном контексте образ *слез* функционирует в качестве семантической единицы, фиксирующей коллективную травму *(sıcaq közyaşları – жгучие слезы, milletimizin közyaşları – слезы народа, bugünki közyaşlarımız – слезы наших дней)*. В рамках просветительской концепции автора данный образ служит инструментом когнитивного прозрения, посредством которого происходит переосмысление действительности и кристаллизация национальной воли *(qavviy irade)* (Seydahmet, 1917c).

Переход от эмоционального сопереживания к формированию волевого импульса в публицистике Дж. Сейдамета подкрепляется глубоким интересом к педагогическим и нравственным концепциям европейского позитивизма *(вера в прогресс)*. Особое место в его поэтике занимает метод идеологической адаптации западной мысли через перевод. В обращении к учителям (“Muallim arqadaşlarıma” / «Моим собратьям-учителям») (Qızıltaşlı, 1914a) автор анонсирует переводы трудов французского философа Жан-Мари Гюйо, указывая на необходимость модернизации национального духа посредством научного подхода. Перевод для Сейдамета становится «дискурсивным мостом»: он переносит категории европейской этики на почву крымскотатарского просветительства, стремясь заменить *«инерцию предрассудков»* научно обоснованной стратегией воспитания. В последующих номерах газеты “Terciman”, публикуя переводы частей книги «Воспитание и наследственность» (“Talim ve terbiye-i varis”) (Qızıltaşlı, 1914b), Сейдамет знакомит читателя с процессом просвещения как с актом этического внушения (telqin), а не простой передачей знаний. При этом опирается на разработанные Ж.-М. Гюйо понятия гипноза и психологической суггестии. Французский мыслитель сравнивает сознание народа в период исторических трансформаций с сознанием ребенка – оно так же восприимчиво к внешнему воздействию и нуждается в замещении «сказок о ведьмах и страхах» (*cadı masalları*) образами национального величия и гражданской ответственности. Установка на *«социальную гипнологию»* объясняет высокую риторическую суггестивность его более поздних выступлений периода Курултая. Дж. Сейдамет стремится психологически преобразовать («перезагрузить») сознание читательской аудитории, превращая ее пассивное страдание в активное созидание.

Динамика перехода от борьбы с социальным сомнамбулизмом к практическому созиданию находит свое развитие в идеях Дж. Сейдамета периода эмиграции, позже систематизированных И. Отаром в сборнике “Mefküre ve Türkçülük” и его дополненном переиздании “Ülkü ve Türkçülük” («Идеал и тюркизм») (Otar, 1965; 1979). Основу издания составили публикации журнала крымских татар в эмиграции “Emel” («Стремление»), включившие тексты авторских выступлений в Варшаве и Стамбуле, а также архивные рукописи 1930-х годов. В них концепт воли (*irade*), в котором Сейдамет прежде видел главным образом дефицитарное состояние национального духа, окончательно трансформируется в фундаментальную категорию характера (*seciye*) (Özkan, 2022, s. 1-19.). Если на просветительском этапе мыслитель лишь «нащупывал» инструменты преодоления коллективного безволия через мобилизующие образы и переводы европейских позитивистов, то в работах периода политической зрелости он утверждает волю демиургом истории. Осознанный идеал (*mefküre*) превращает, согласно

его концепции, пассивную массу в подлинного субъекта исторического процесса. Таким образом, исходная стратегия ценностной трансформации сознания получает свое логическое завершение, оформляясь в стройную этико-философскую систему воспитания национальной элиты (Otar, 1960, s. 18-26; 1979).

Наряду с теоретическим обоснованием воспитания *воли*, в статьях социально-экономического характера (например, “İş kerek, iş!” / «Работа нужна, работа!») (Seydahmet, 1915c) автор выстраивает прагматический нарратив. Опираясь на идеи Гаяза Исхаки, Дж. Сейдамет переводит дискурс из плоскости *«абстрактных мечтаний у чая»* в русло кропотливого созидательного труда. В этом проявляется значимая макропоэтическая черта его творчества – демифологизация действительности. Он призывает видеть в прогрессе не чудо, а результат системных усилий, что резко контрастирует с традиционным фатализмом. Та же установка на реализм и «искренность стиля» прослеживается в его публицистике, посвященной реформе образования (“İptidaiy mekteplerimiz nasıl islâh edilebilir?” / «Как преобразовывать наши начальные школы?») (Seydahmet, 1914b). В ней Сейдамет настаивает на очищении языка учебников от избыточных арабизмов, сближении школьного обучения с живой народной речью и системном внедрении научных методов воспитания. Принцип «очищения» языка реализуется и непосредственно в авторском идиостиле.

Примечательным свидетельством широкого общественного резонанса этих педагогических идей стал критический отклик крымскотатарского педагога и публициста Дж. Керменчикли. В статье «По поводу доклада Джафера-эфенди» (“Cafer efendiniñ dokladı münasebetiyle”) Керменчикли поддерживает инициативу по созданию учительской семинарии (Darülmuallimin) для подготовки квалифицированных кадров, способных формировать национальное самосознание подрастающего поколения. В то же время он подвергает критическому разбору предложенный Сейдаметом механизм подготовки кадров на базе гимназического образования с параллельным изучением татарской литературы. Керменчикли указывает на риски такого пути, связанные с дефицитом учебного времени и угрозой поверхностного усвоения программы. В качестве рациональной альтернативы он предлагает глубокое реформирование Симферопольской русско-татарской школы с введением дополнительного трехлетнего спецкурса. Данная полемика ярко демонстрирует остроту дискуссий внутри крымскотатарской интеллигенции и высокую общественную значимость выступлений Сейдамета по вопросам модернизации национальной школы (Керменчикли, 2005, с. 46-48).

Важным инструментом трансформации национального сознания в поэтике Сейдамета становится обращение к фигурам *«Героев духа»*. В статье, посвященной памяти поэта Г. Тукая (“Büyük şairimiz Tuqayın vefatınıñ eki yıl olması münasebetiyle” / «По случаю двухлетия со дня кончины нашего великого поэта Тукая») (Seydahmet, 1915a), он выстраивает нравственно-патриотическую модель личности, чья *«железная воля»* противопоставляется *«социальной болезни безволия»*. Публицист подчеркивает, что величие Тукая заключается в моральном подвижничестве, которое должно стать образцом и для крымскотатарской молодежи. Параллельно с этим в статье, посвященной сторонникам Мухаммада Сафы Баязитова (“Safa Bayazitov ve tarafdarlarına”) (Seydahmet, 1915d), используя образ Наполеона на острове Святой Елены, Сейдамет выстраивает антитезу между *«лицом власти»* и *«волей народа»*. Привлечение мирового контекста придает его текстам масштабность, превращая локальный конфликт в часть глобальной борьбы за субъектность наций. Таким образом, в ранней публицистике Сейдамета формируется целостная концептуальная система, где просветительство признается главным средством национального возрождения, а ее элементами выступают демифологизация труда и адаптация европейских культурных концепций. Дальнейшее развитие этих идей в революционной прессе 1917-1918 годов, где Сейдамет выступает уже в статусе лидера национального движения и активного политического деятеля, станет объектом анализа в следующем разделе исследования.

Обратимся к вышеупомянутому сборнику “Unutulmaz közyaşları” («Незабываемые слезы»). В современной крымскотатарской историографии данное издание ошибочно датируют 1916 годом (Керимов, 2009, с. 6; Куршутов, 2013, с. 32), механически отождествляя указанную дату «1334» с годом хиджры (Керимов, 2023, с. 18-19). Между тем факт использования в османском делопроизводстве (1839-1926 гг.) румийского календаря дает основание относить издание к 1918 году по григорианскому стилю (Seydahmet, 1918). Книга была выпущена в стамбульском издательстве “Kütüphane-i Sûdî” (Seydahmet, 1918). В этот же период Сейдамет активно сотрудничает с авторитетным изданием крымскотатарской диаспоры – журналом «Крымский сборник» (“Qırım Mecmuası”), на страницах которого печатались ведущие деятели мусульманского модернизма (Дж. Керменчикли, Ш. Бекторе, А. Одабаш, О. Акчокраклы и др.).

Статус Дж. Сейдамета в качестве идейного лидера и официального представителя крымской Директории в Стамбуле превратил журнал “Qırım Mecmuası” в авторитетную площадку для обсуждения будущего Крыма. Идеологический фундамент издания сформировали программные выступления Сейдамета, чей высокий политический статус официального представителя крымской Директории предопределил тональность большинства материалов журнала. Благодаря этому перед читателями “Qırım Mecmuası” автор выступал не просто публицистом, а живым символом преемственности политической традиции Курултая, что напрямую отразилось на тематической направленности его произведений (Ülküsal, 1980, s. 198).

Еще одним значительным этапом в историографии фигуры Дж. Сейдамета стал очерк профессора Б. Чобанзаде “Qırımtatar edebiyatında qurultaycılıq…” («Курултайство и национализм в крымскотатарской литературе») (Çobanzade, 1929). Написанная в условиях жесткой кампании по борьбе с «национал-уклонизмом», эта работа демонстрирует сознательную попытку автора адаптировать интерпретацию национального движения к марксистской методологии. Главной целью Чобанзаде становится трактовка крымскотатарского политического

процесса 1917-1920-х годов как продукта исключительно классовых интересов национальной буржуазии. При этом акцент смещается с национально-освободительной природы культурного «пробуждения» (uyanma) на его обусловленность проникновением европейского капитализма в регион. Соответственно, общественно-политическая активность этого периода, включая деятельность Сейдамета, маркируется как идеологически враждебная «буржуазная надстройка». Здесь политический деятель упоминается в двух контекстах: организационном – в роли одного из основателей стамбульского студенческого общества крымских татар “Qırımtatar talebe cemiyeti” – и политическом, где он выведен главным архитектором «курултаевского движения». Несмотря на обязательную для 1929 года критическую риторику, в которой Сейдамет обвиняется в пантюркистских симпатиях под влиянием идей З. Гекальпа, данная работа невольно подтверждает его статус бесспорного лидера национального движения (Çobanzade, 1929, s. 22-29).

В отличие от критико-публицистического подхода Б. Чобанзаде, панорамный очерк А. Крымского «Литература крымских татар» (1930) демонстрирует переход академического дискурса к стратегии целенаправленного биографического исключения. Реконструируя истоки крымскотатарской словесности от золотоордынских памятников до модернистского подъема начала XX века, академик анализирует контекст газеты “Terciman” и деятельность плеяды авторов 1910-х годов (Н. Челебиджихан, А. Айвазов, Б. Чобанзаде, О. Акчокраклы, А. Озенбашлы, А. Одабаш, У. Сами, А. Лятифзаде и др.). Однако имя Дж. Сейдамета, несмотря на его интенсивное участие в издании Гаспринского, в данном исследовании не упоминается. Подобная лакуна представляется не методологическим упущением, а сознательной элиминацией ключевого актора политических событий из истории литературы. Если в конце 1920-х годов деконструкция фигуры Сейдамета еще допускала его упоминание в контексте классовой борьбы, то к началу 1930-х единственно возможным способом публикации академического труда становилось тотальное вытеснение «неудобных» имен в зону исторического забвения (Студії…, 1930, с. 165-198).

Иную исследовательскую оптику, принципиально отличную от советской историографии с ее вынужденным замалчиванием и идеологической деконструкцией, предлагает работа А. Гирайбая “Qırım edebiyatına bir baqış” («Взгляд на крымскую литературу», 1926) (Гирайбай, 1995). Созданная в стенах Стамбульского университета и свободная от диктата советской цензуры, работа выступает ценным независимым источником, позволяющим реконструировать творческую биографию Сейдамета вне рамок ангажированных оценок. Периодизация, предложенная Гирайбаем, основывается не на догматичном классовом анализе, а на лингвистических и культурно-исторических критериях. Например, в главе, посвященной периоду национального подъема (1905-1917 гг.), автор выделяет Дж. Сейдамета, А. Айвазова и Дж. Керменчикли. В противовес писателям, ориентировавшимся на русскую классическую традицию и родную народно-разговорную лексику (У. Тохтаргазы, А. Чергееву и Дж. Шерфеддину) представители данной группы выступали носителями османско-европейского стиля. Гирайбай (1995) подчеркивает, что эстетические ориентиры Сейдамета сформировались под воздействием турецкой литературы. Автор характеризует Сейдамета в роли реформатора, стремившегося преодолеть провинциальный диалектизм и вывести крымскотатарскую литературу на уровень высоких образцов эпохи Танзимата посредством слияния общетюркских модернистских традиций с национальной культурной почвой (Гирайбай, 1995, с. 18-20.).

Важным источником для реконструкции биографии и творческой хронологии Дж. Сейдамета служит очерк “Cafer Seydamet beyin jubilesi” («Юбилей господина Дж. Сейдамета»), опубликованный в варшавском журнале – трибуне прометеевского движения – «Северный Кавказ» в 1935 году (Cafer Seydamet..., 1935, s. 6-7). Публикация была приурочена к 25-летию его общественной и литературной деятельности. В статье отмечается, что будущий политик родился в 1889 году в деревне Кызылташ близ Ялты, а его становление началось в Стамбуле: завершив там среднее образование, он поступил на юридический факультет Стамбульского университета. В 1910 году автор представил свое первое патриотическое сочинение – “Yigirminci asırda tatar milleti mazlumesi” («Угнетенный татарский народ в XX веке»). Османские власти сочли содержание работы чрезвычайно острым, что вынудило его вскоре покинуть пределы Турции. Продолжив обучение во Франции, Дж. Сейдамет вернулся в Крым лишь накануне Первой мировой войны. В статье освещается деятельность Сейдамета в 1917-1918 годах: его участие в работе вакуфной комиссии Курултая, руководство военным и внешнеполитическим ведомствами Крымского национального правительства и кабинета С. Сулькевича. Систематизируя библиографию автора, источник указывает на его сотрудничество с изданиями “Terciman”, “Millet”, журналом “Emel”, а также с национально-ориентированной прессой Азербайджана, Волго-Уральского региона и Туркестана. Отдельное внимание в публикации уделено его трудам, вышедшим в книжном формате. Это монографическое исследование крымскотатарской истории и литературы – “Kırım” («Крым»), опубликованное в 1920 году в Лозанне на французском языке и в 1930 году в Варшаве на польском, а также книги “Rus inqılâbı” («Русская революция», 1930) и “Gaspıralı İsmail bey” («Исмаил Бей Гаспринский», 1934). Библиографию дополняют художественные произведения – “Unutulmaz közyaşları” («Незабываемые слезы») и “İslâm aka” («Пан Ислам).

Кажущееся противоречие в датировке брошюры «Угнетенный татарский народ…» (1910 год в журнале «Северный Кавказ» против принятого в современной историографии 1911 года) снимается мемуарами самого автора (Cafer Seydahmet, 1993, s. 71, 74, 75, 80, 162). В конце 1910 года текст этого политического манифеста, посвященного бесправному положению коренного населения Крыма, был размножен кустарным, вероятно, гектографическим способом (в мемуарах: koрya makinası) активистами закрытого студенческого общества “Vatan” («Родина») и существовал в виде малотиражных копий. Официальное деанонимизирование личности автора, скрывавшегося под псевдонимом Шехап Незихи, повлекло за собой судебное преследование со стороны османских властей по инициативе российского посольства в Стамбуле (Matbuat..., 1911, s. 4).

Данное разбирательство вынудило молодого публициста срочно покинуть пределы империи и выехать во Францию. Тем не менее полноценное типографское издание брошюры было осуществлено соратниками автора в стамбульской типографии "Müşterekül-menfea Osmanlı Şirketi" в 1912 году, когда сам Сейдамет уже обучался в Париже (Şehab Nezihi, 1912). Здесь, сочетая изучение юриспруденции с освоением курса политических, социальных наук и журналистики, он посещал лекции Жана Жореса и увлекался переводами трудов Шарля Сеньобоса. На фоне глубокого интеллектуального роста интересна эволюция авторской самоидентификации через систему псевдонимов, которая развивалась от символического «Шехап Незихи» в значении «Светоч небесного откровения» и топонимического «Кызылташлы» до ностальгического «Кырымэр» («Крымец»), ставшего в эмиграции его официальной фамилией как символ преданности родине. В текстологических исследованиях последних лет профессором И. Керимовым (2023) было идентифицировано еще одно авторское литературное имя Сейдамета – «Истикбаль» («Прогресс»), то есть семантически обращенное к будущему нации – молодому поколению. Очевидно, что семантика этих псевдонимов отражала не только личную рефлексию автора, но и динамику его политического сознания (Керимов, 2023, с. 19).

Трансформация литературно-публицистического дискурса Дж. Сейдамета в газете "Millet" (1917-1918)

Публицистика Дж. Сейдамета на страницах крымскотатарской газеты «Нация» является результатом эволюции его идейно-творческих ориентиров. На раннем этапе деятельности он прошел путь от выражения острого политического протеста в резонансном манифесте *«Угнетенный татарский народ…»* (1910) до просветительских статей в периодическом издании «Переводчик». Вектор идеологических убеждений Сейдамета определялся комплексом вызовов времени, требовавших концептуализации общественного самосознания, воспитания народной воли, а также утверждения модернизированного просвещения в качестве главного условия цивилизационного обновления нации. В период деятельности крымскотатарской Директории слово публициста переходит в плоскость оперативного политического анализа. Осмысление распада старой государственной системы и поиск путей национального выживания в условиях революции качественно изменили риторико-стилистический инструментарий Сейдамета (Kırımal, 2008; Kırımlı, 1996; Губогло, Червонная, 1992; Зарубин, Зарубин, 1996; Иванець, Когут, 2019).

Вместо развернутых теоретических обзоров и этико-педагогической рефлексии он обращается к прямому обозначению проблем. Использует лозунговые формулировки, призванные побуждать реципиента к действию, задавать ценностные ориентиры и апеллировать к эмоциям читателя. Интерес представляют функциональные типы его агитационных воззваний. Это ***мобилизующе-императивные***, побуждающие читателя к гражданскому самосознанию в переломный исторический момент: *«Судьбу Крыма должны решать сами крымчане!»* (*"Qırımnıñ muqadderatını qırımlılar hal etmelidir!"*), *«Каждая нация должна решать свою судьбу сама!»* (*"Her millet kendi muqadderatını kendisi tayin etmelidir!"*), *«Ради возрождения священного идеала и высокой цели – рвитесь вперед!»* (*"Bir muqaddes emeli, bir ulviy maqsadı canlandırmaq içün "Alğa" atılıñız!.."*), *«Сплотившись, шагнем в будущее!»* (*«El-ele vererek atiyi qarşılayalım!"*), *«Бесповоротность!»* (*"Qatiyet!"*) (Millet cevherleri, 2012, s. 105-110, 83, 94-95, 99-101, 161-163); ***эмоционально-апеллятивные,*** апеллирующие к чувству опасности и утраты: *«Свобода в опасности!»* (*"Hürriyet tehlükede!"*) (Millet cevherleri, 2012, s. 89-91); ***экзистенциально-философские***, задающие фундаментальную онтологию борьбы: *«Битва за существование!»* (*"Hayat içün cenk"*), *«Жизнь политики поддерживается только лишь силой»* (*"Siyaset ancaq quvvetle yaşatılır"*) (Millet cevherleri, 2012, s. 92-93, 96-98); и, наконец, ***интертекстуально-авторитетные*** лозунги, включающие в контекст внешний авторитетный голос: *«Россия без свободы – не наша Родина!»* (*"Hürriyetsiz Rusiye bizim vatanımız degil!"*), *«Путь нации нашей – путь истины священной»* (*"Millet yoludır, haq yoludır tuttuğımız yol"*) (Seydahmet, 1917a; Millet cevherleri, 2012, s. 89-91, 94-95, 170-171).

Экспрессивный оборот *"Hürriyetsiz Rusiye bizim vatanımız degil!"* в повестке статей «27 августа», «29 августа: свобода в опасности!» и «2 сентября: бесповоротность!» (1917) является не случайным цитированием высказывания главы Временного правительства А. Керенского, он служит эмоциональным маркером встраивания национального движения крымских татар в контекст российской борьбы за демократическую свободу и в целом подчеркивает неразрывность общегражданских идеалов (Seydahmet, 1917a; Millet cevherleri, 2012, s. 89-91, 94-95). Стратегия лозунговой мобилизации и адаптации известных революционно-транспарантных слоганов получает дальнейшее развитие в статье «4 сентября», посвященной анализу геополитических и экономических причин Первой мировой войны. В ней интернациональный призыв *«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»* адаптирован в форму *«Все социалисты мира, объединяйтесь!»* (*"Bütün dünya sosyalistleri birleşiniz!"*). За этой трансформацией, предельно очевидно, стоит не претензия регионального политика на глобальное влияние, а глубокая убежденность в том, что консолидация мирового социализма способна остановить империалистическое противостояние. Историческая миссия социалистических партий, по мнению Сейдамета, заключается в *принуждении капитала к отказу от «экономического хищничества» ради достижения общечеловеческого благополучия* (Millet cevherleri, 2012, s. 99-101). Обращаясь к социалистической морали, публицист стремится вернуть глобальным экономическим процессам более гуманистическое содержание.

Позднее, в изменившихся исторических реалиях 1918 года, вектор авторитетных заимствований смещается в сторону национальной идентичности. Лозунг *"Millet yoludır, haq yoludır tuttuğımız yol"* восходит к стихотворению Тевфика Фикрета "Millet Şarkısı" («Песня нации») – культовому манифесту свободы турецкой

интеллигенции. Зачин произведения в переводе на русский язык звучит так: *«Растоптано лоно отчизны священной, / Довольно терпеть нам невежества гнет! / Сплотимся ж пред болью ее сокровенной / Нас кровь, нас душа, нас слава зовет! / **Путь нации нашей – путь истины священной,** / **Живи же, о справедливость! Живи, наш народ!»*** (*“Çiğnendi, yeter, varlığımız cehl ile kahre; / Doğrandı mübarek vatanın bağrı sebepsiz. / Birlikte bugün bulmalıyız derdine çare. / Can kardeşi, kan kardeşi, şan kardeşiyiz biz. / **Millet yoludur, hak yoludur tuttuğumuz yol;** / **Ey hak, yaşa, ey sevgili millet, yaşa… Var ol!”***). В оригинале выделенное двустишие функционирует как сквозной рефрен, образующий композиционное кольцо. Вынося усеченный рефрен “Haq yolu” («Путь истины») в заглавие статьи, Сейдамет трансформирует художественный образ в сквозной политический концепт, объединяющий блок авторских сводок «Что происходит в политике Турции?», «О наших национальных делах», «Съезд и парламент», «Курултай» (Millet cevherleri, 2012, s. 166-169, 170-171, 176-178). В условиях иностранной милитаристской интервенции в Крыму, перемен во власти и в военной политике Османской империи узнаваемый код *«исторического выбора народа»*, преодолевая общественную апатию, кризис институтов, внутренние расколы, выступал этическим абсолютом возобновления работы и легитимации Крымскотатарского национального парламента.

Переходя от лозунговой риторики к иным аспектам публицистического текста Сейдамета, отметим, что мобилизационная стилистика оратора достигает наивысшего выражения в материалах директивного характера. Примером служит «Воззвание к татарским солдатам» (“Tatar askerine hitapname”, 1917). Автор в условиях «паралича» центральной власти и нарастающей анархии призывает сынов Отчизны встать на защиту мирного населения полуострова. Статья-воззвание строится на основе градации императивов, однако уже на уровне языковой ткани происходит остранение военного дискурса. Привычные воинские приказы: к оружию (*silâhıñız başında bulunıñız*), сплотиться в ряды (*saflarıñızda sıqlaşıñız*), соблюдать дисциплину (*nizam ve intizama riayet ediñiz*), не покидать пост (*vazifeñiz başında bulunıñız*) не ведут к прямым призывам к насилию. Напротив, они переключаются на защиту порядка. Публицист призывает беречь жизнь, покой и свободу каждого гражданина. Здесь проявляется диалогическая природа текста, в котором слышатся голоса военного командира, народа (сквозь призму материнской любви) и Основных Законов (Конституции Крымской народной республики), провозглашенных крымскотатарским Курултаем (Парламентом): *«Воспринимайте всех наших граждан как братьев, любите их, как своих матерей, ни на секунду не забывая, что этого требуют от вас Основные Законы нашего народа; и, если в каком-либо месте будет совершено посягательство на жизнь, покой или свободу любого гражданина, – защищайте его своей собственной жизнью...»* Тем самым автор переводит воинский долг из сугубо милитаристской в духовную плоскость, определяя главной задачей национальных формирований недопущение кровопролития на полуострове (*Qırımı qana boyatmañız*) (Millet cevherleri, 2012, s. 111).

Военно-патриотическая тематика Дж. Сейдамета находит художественное воплощение в изображении праздничных национальных состязаний, то есть борьбы на поясах “Küreş” и конных скачек “Qoşu”. В его произведении “Milliy duyğu” («Национальное чувство») (Seydahmet, 1917c) традиционные спортивные игры становятся смысловым пространством, отодвигающим этнографический фон на второй план ради манифестации характера национального чувства. Изначально произведение позиционировалось как злободневный, идеологически заряженный фельетон (Seydahmet, 1917c). Однако сочетание публицистической дефиниции с развернутой нарративной конструкцией, включающей внешнее обрамление (беседы рассказчика с торговцем Гаффаром у очага), систему персонажей и классическую сюжетную структуру (развитие действия, кульминация, развязка), свидетельствует о жанровой гибридности. Уже во вводной части Сейдамет дает развернутое публицистическое определение «Национального чувства», которое затем подвергается проверке конкретным жизненным опытом: *«Человек, в каком бы обществе он ни находился, должен знать, что, даже не осознавая этого, он связан со своим народом. Он разделяет его достоинство и страдает от его унижения. Это чувство настолько сильно, настолько властно, что заставляет человека забыть не только свою выгоду, покой и счастье, но даже самого себя. Когда оно [чувство] во всей своей жизненной силе оживает в сердцах, оно делает людей марионетками в своих руках, лишает их воли. Оно легко бросает их даже в огонь и на смерть»* (Seydahmet, 1917c). Синтаксический параллелизм (“onuñ şerefiyle sevinir, onuñ horluğı ile ezilir…” / «Он разделяет его достоинство и страдает от его унижения») и восходящая градация (“kârını, rahatını, saadetini degil, kendisini bile” / «не только свою выгоду, покой и счастье, но даже самого себя») здесь не просто украшают текст, а структурно отражают саму суть данного феномена, его тотальность и способность постепенно подчинить себе всю волю человека.

Важным этапом, подготавливающим художественную иллюстрацию этой мысли, становится история жеребца Джийрена и его юного наездника Селима во время скачек. Среди пестрой праздничной толпы (русских офицеров, окруженных дамами и барышнями, румов (греков), армян, мусульманских цыган-музыкантов) татарский конь и всадник оказываются почти невидимыми. В оригинале 1917 года это передано с особой остротой: на Джийрена *«почти никто, кроме самого владельца, старого аксакала, не смотрел участливым взглядом»*, белую округлую отметину на его лбу *«не гладила ни одна рука»*, а его наездника, сына старика Селима, *«никто не замечал, никто о нем не думал, никто его не слушал»* (Seydahmet, 1917c). Здесь троекратный лексический повтор *“kimse… kimse… kimse…”* (*«никто… никто… никто…»*) создает эффект последовательного социального стирания. Рассказчик сравнивает себя и героев с *«сиротами в домах богачей»*. Так создается исходное состояние *«национальной непризнанности»*, на фоне которого уверенная победа Джийрена на заезде приносит героям первую радость и гордость. Кульминацией произведения становится сцена борьбы (“Küreş”). Когда борец-рум Яний опрокидывает татарского борца Вели, наступает момент коллективного оцепенения: *«И вот в эту секунду площадь охватила такая глубокая, тяжелая тишина, такое безжизненное оцепенение, будто все там – каждая*

вещь, каждое сердце, каждый лист – замерзло и испустило дух. Все татары в одно мгновение [будто] умерли, в одно мгновение оледенели! Да, это великое чувство заставило всех татар содрогаться перед унижением; страх увидеть, как на плече Яния развевается их собственное знамя, впивался когтями в сердце каждого» (Seydahmet, 1917c). В отличие от эпизода «невидимости», где параллелизм работал на постепенное наращивание ощущения отверженности, здесь повторы *"öyle… öyle…"* / «такая… такое…» и особенно *"bir an'de… bir an'de…"* / «в одно мгновение… в одно мгновение…» сжимают время в одну точку и придают коллективному стыду почти физическую плотность. Происходящее на площади выходит за пределы эмоционального состояния и приобретает экзистенциальный характер. На протяжении всего рассказа синтаксические фигуры служат единым психологическим инструментом: они управляют темпом текста и переводят абстрактную идею коллективного единства в острое, осязаемое чувство.

Коллективная «смерть» от стыда обретает в произведении характер жертвенного переживания. Катарсис и последующее справедливое восстановление чести происходят в развязке: нарушив данную отцу клятву, на арену-майдан выходит молодой крестьянин Сеитбекир, не сумевший вынести общего позора. Его стремительная победа над Янием мгновенно снимает оцепенение, возвращая народу достоинство и ощущение живого единства. Знаковым выражением духовного освобождения становится поступок старика-отца Селима. Растроганный тем, что Сеитбекир избавил всех от тяжелого морального угнетения, он совершает символический жест – дарит ему коня-победителя Джийрена. Образ Джийрена пронизан исторической памятью. По рассказам старика, он происходит от породистой кобылицы, которую когда-то сам правитель Крымского ханства подарил его деду Сейиду Али, получившему за неоднократные победы в национальной борьбе «Куреш» славное прозвище «Майышмаз» («Несокрушимый»). Это динамическое движение от состояния социальной ущемленности и «невидимости» через травму коллективного стыда к мгновенному воскрешению духа опознается в финале как проявление *«Национального чувства»* ("Milliy duyğu"). Здесь следует обратить внимание еще на одну немаловажную текстологическую деталь. Присутствие дам и барышень (madamlar, barışnyalar) в газетной версии 1917 года вводит в текст взгляд доминирующей культуры и обостряет осознание национального неравенства. Описывая праздничную атмосферу вокруг скачек, борьбы и исполнителей национального танца «Хайтарма», автор акцентирует внимание на праздном поведении этой инокультурной публики. На фоне «серой толпы» ее представители выделяются богатым убранством, ухоженными руками, приветствующими участников соревнований белоснежными платочками и букетами цветов, звонким смехом и горячими взглядами. Позже, в стамбульском сборнике "Unutulmaz közyaşları" («Незабываемые слезы», 1918) и перепечатке в журнале "Emel" (1931) (Özcan, 2013; Uzunağaç, 2022; Dündar, 2006; Исхаков, 2022; Gasimov, 2022; Sarı, 2024), Дж. Сейдамет осуществляет авторедакцию и нейтрализует лексемы «барышни» и «дамы», заменяя их автохтонными "qadınlar, qızlar" («женщины и девушки») (Seydahmet, 1918; Керимов, 2009, с. 43-53). При этом происходит нивелирование социокультурных границ: создается ощущение, будто речь идет о публичном поведении мусульманских женщин. Это вступает в прямой диссонанс как с исторической реальностью, так и с другими текстами писателя. Например, в опубликованном в 1917 году другом гибридном фельетоне газеты "Terciman" под одноименным названием "Unutulmaz közyaşları" и подзаголовком «Из жизни крымского южнобережья», образ главного персонажа Эмине служит репрезентацией крымскотатарской женщины, ставшей жертвой патриархальных пережитков и оказавшейся в положении человека, лишенного права выбора и возможности любить по зову сердца (Seydahmet, 1917d). Подмена описываемых лексем в редакциях 1918 и 1931 годов деформирует аутентичность общей атмосферы произведения и сглаживает его социально-критический пафос.

В рассказе "Cın Mambet" («Одержимый Мамбет», 1917) Дж. Сейдамет развивает тему социально-классового неравенства, начатую в "Milliy duyğu" образом «сирот в домах богачей» (Seydahmet, 1917b). В предыдущем произведении национальное чувство раскрывалось через коллективный подъем на арене; здесь же социальный конфликт решается через призму сложной жанровой полифонии. Сейдамет опирается на хрестоматийную фабулу о невостребованном таланте. На этот литературный ориентир прямо указывает эпиграф, выражающий почтение к новелле Генрика Сенкевича «Янко-музыкант». Тем не менее автор не воспроизводит сюжет буквально, а органично сочетает *романтическую традицию, критический реализм, сентиментализм и публицистику*, придавая трагедии философское и сакральное звучание. В основе сюжета лежит классическое для европейской литературы противопоставление светлой, глубоко одаренной человеческой души условиям беспросветной социальной нищеты, ментальной слепоты и бытовой жестокости. Главным героем произведения является мальчик по имени Акмамбет (*букв.* светлый, озаренный Мамбет), который помещен в удушающую атмосферу крымской провинции начала XX века. Автор сознательно отказывается от идиллических пасторалей, обнажая материальную скудность, духовную ограниченность и агрессивность среды, подвергающей героя символическому отторжению. В сцене рождения Акмамбета природа вторит человеческой драме: *«С каждой минутой густеющий и тяжелеющий туман, словно саваном, обволакивал деревню и все явленное миру в своей бездне; а дождь, с каждой секундой истончаясь до пронизывающей мороси, въедался в самые недра сущего и насквозь пропитывал даже птичьи гнезда в расщелинах обвалившихся стен старой мечети»* (Seydahmet, 1917b). Подобные параллели между окружающим пейзажем и внутренним драматизмом повествования проходят сквозной линией через весь текст произведения.

Физически уязвимый от рождения, Акмамбет с самого детства становится изгоем в консервативной среде. Его искреннее, трепетное чтение азана, интуитивно освоенное благодаря тонкому слуху и отличной памяти, вызывает всеобщее изумление, но не понимание. Хлесткое прозвище «Одержимый, бесноватый Мамбет» ("Cın Mambet"), данное мальчику старым имамом, подхватывается всеми местными жителями, кроме матери, и обрекает его на стигматизацию. В действительности анализируемая «одержимость» носит выраженный

сакрально-интеллектуальный характер, проявляющийся в мучительной жажде знаний. После смерти бабушки, под духовным наставничеством которой он самостоятельно освоил алфавит и азы сур Корана, поворотным моментом становится поездка с отцом в богатую прибрежную деревню. Здесь мальчик впервые видит белую мечеть с высоким минаретом, светлую школу и счастливых детей с книгами. Во время школьных занятий он сталкивается с книжной иллюстрацией, на которой волк терзает ягненка. Когда окружающие и учитель объясняют гибель животного закономерным наказанием за отрыв от стада, Акмамбет внутренне бунтует против логики слепого подчинения большинству, отстаивая право чуткой души на свободу. В этом эпизоде конфликт хрупкой личности и косной массы достигает своего пика. Сейдамет превращает хилого, больного мальчика в носителя высшего начала, где физическая немощь и социальная уязвимость лишь ярче оттеняют его духовный дар.

Кульминацией же внутреннего озарения становится посещение дома местного зажиточного бея, куда для работы нанимают мать Акмамбета и других женщин-служанок. Здесь он впервые соприкасается с атрибутами недосягаемой для него на тот момент сакральной культуры – Кораном, висящим на стене в богатом золотом окладе, а также видит искусно выполненную серебряную чернильницу, украшавшую хозяйский письменный стол. Охваченный наивной мечтой и воспринимая эти предметы как физическое воплощение своих сокровенных молитв об учебе, он тайком проникает в комнату ночью. Мальчик взбирается к открытому окну по доске, которая, как отмечает рассказчик, тоньше потустороннего моста «Сырат», и уже в комнате устраивает подставку из подушек, чтобы достать высоко висящую священную книгу, но теряет равновесие и падает, поднимая шум. Застигнутый на месте, он подвергается со стороны хозяев суровому наказанию, поскольку его духовный порыв трактуется обывателями как преступление. Жестокое избиение и заточение в сырой подвал приводят к гибели мальчика. В этих эпизодах ярко проявляется критический реализм автора, фиксирующего социальное дно и жестокость обывателей. Вместе с тем реалистическое повествование органично обогащается поэтикой сентиментализма. В ту же ночь мать пробирается к дверям подвала, обещая защитить сына и не верить ложным обвинениям. У дверей она слышит предсмертный бред ребенка. Угасающему в темноте герою чудится, что лучезарные существа вручают ему золотые письменные приборы и священный текст. Видения мальчика о том, как он радостно устремляется в светлую школу, подчеркивают глубину его нереализованного потенциала. Через восприятие беспомощной матери, обреченной на трагическое созерцание гибели собственного сына, частная драма становится метафорой национального гения, отвергнутого собственной средой (Seydahmet, 1917b).

Идейный замысел автора завершается публицистическим манифестом. Ровно через год в той же гостиной шумно и с обилием алкоголя пирует местная сословная элита. Эта картина праздности резко контрастирует с горьким выводом старого рассказчика: *«Наши молодые бейи заняты [осушением] рюмок, старики [воздвижением] мостов и теккие [обителей дервишей], вместо того чтобы стремиться разглядеть духовный талант сыновей народа и наполнить их светом. Кто знает, сколько светлых умов не было бы омрачено, сколько бесценного здоровья не было бы загублено и как засияла и ожила бы угасшая татарская история в их руках, посвятивших себя науке и литературе! Кто знает, какие оправданные надежды, бесценные голоса мы бы тогда услышали?!»* (Seydahmet, 1917b). Данная композиционная структура использована не случайно. Сейдамет переводит сентиментальное сочувствие читателя в политический гнев, превращая частную гибель самородка в диагноз бессилия элиты и призыв к духовному пробуждению общества. Именно в этом синтезе, когда трагедия героя-романтика, описанная языком жестокого реализма и сентиментализма, завершается прямым публицистическим ударом, раскрывается подлинная жанровая полифония рассказа.

Афористическая формулировка Дж. Сейдамета из статьи “Milliy vazifemiz” («Наш национальный долг») *«Величайшее бедствие мусульманина в том, что он даже самому себе не может быть другом»,* представляющая собой емкий тезис, акцентирует его взгляд на общенациональном кризисе (Millet cevherleri, 2012, с. 144-145). В атмосфере политического распада крымской осени 1918 года публицист напрямую призывает соотечественников отказаться от внешнеполитических иллюзий после трезвой оценки собственных ресурсов и признания невозможности влиять на тогдашний международный вектор. Автор требует сосредоточиться на внутреннем возрождении, направленном на самовосстановление и обеспечение безопасности нации. Используя лексемы высокого семиотического регистра, такие как *«исторический грех» и «священный долг»*, он настаивает на прекращении сословно-классовых и идеологических распрей, призывая все социальные группы объединиться вокруг главных целей модернизации крымскотатарских начальных школ, реформирования мужских и женских учительских семинарий, а также восстановления культурных институций. Применяемая Сейдаметом риторика обладает выверенной силой убеждения, воссоздающей образ оратора, который, произнося тезисы о народном сплочении с предельной эмоциональной отдачей, побуждает каждого адресата обращения к неподдельному сопереживанию. В заключительной части статьи этот призыв обретает ценностно-смысловое, экзистенциальное измерение, в рамках которого следствием упомянутого исторического греха выступает неизбежное проклятие грядущих поколений. Бескомпромиссная тональность объясняется конкретной политической ситуацией: статья вышла всего через три дня после того, как Сейдамет сложил полномочия с поста министра иностранных дел Крымского краевого правления. Поэтому публикация читается как разъяснительное обращение, обосновывающее его официальное заявление об отставке в газете “Millet” под заголовком «Официальное заявление об отставке, поданное в правительство министром иностранных дел Крымского краевого правления Джафером эфенди Сейдаметом». Выступая против шагов кабинета С. Сулькевича по сближению с Украиной без санкции крымскотатарского Парламента, Сейдамет переносит конфликт из сугубо аппаратной плоскости в сферу общественной дискуссии, утверждая приоритет позиции Курултая как ключевого легитимного ориентира при определении дальнейшего общественно-политического устройства полуострова (Millet cevherleri, 2012, s. 143).

Защиту верховенства Курултая Сейдамет вскоре переводит в историософский план. В “Milliy duyğu” («Национальное чувство») ханское прошлое еще проступает в семейной памяти о коне Джийрене, подаренном правителем Крыма предку «несокрушимого» борца. В статье же “Qurultay” (Millet cevherleri, 2012, s. 176-178), написанной накануне первой годовщины открытия Курултая 26 ноября (9 декабря по новому стилю) 1917 г., та же память становится институциональной. Она несет на себе след года тяжелейших политических потрясений и жертв – прежде всего гибели Н. Челебиджихана. Сейдамет утверждает, что крымскотатарский Курултай сначала подобен совету родовых предводителей и аксакалов, постановивших основать первое тюркское властвование вместе с Чингисханом, а позднее занял место совещательных собраний «наших ханов и хаканов»: *“Qurultay ilk türklük saltanatınıñ Cengiz haqanı ile qurulmasına qarar veren aşiret reisleriniñ, yahut aq saqallıların meclisi olduğı kibi, soñraları han ve haqanlarımızın müşavere meclisleri maqamına keçmişti”*. Риторически это закреплено троекратным призывом *“Qurultay, Qurultay, Qurultay…”*, сакрализацией Основного закона как *“habl-ı metin” («неразрывная вервь»)* и его олицетворением: священная конституция выходит из глубины прошлого, облаченная в белые саваны, приветствует живых и кропит их утешением крови шехидов (павших в тех событиях): *“…maziniñ derinliklerinden beyaz kefinlerine bürünerek bizleri selâmlayan… muqaddes qanun-ı esasımız”*. Тем самым Курултай предстает в его публицистике не порождением революционного 1917 года, а образом восстановления прерванной традиции, которую, по мысли автора, должны сохранить память о павших и воля живых.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, представляется необходимым сформулировать следующие выводы:

1. Макро- и микропоэтический анализ публицистики Дж. Сейдамета в контексте социокультурных и политических трансформаций 1917-1918 гг. обеспечивает системную интерпретацию его идиостиля и нарративно-публицистической парадигмы. На фоне масштабной историографии наследия мыслителя предпринятая контекстуализация дополняет сложившиеся общеисторические трактовки и раскрывает внутреннюю специфику формирования крымскотатарского газетного дискурса периода I Курултая. Привлечение комплексного архивно-источниковедческого и текстологического инструментария позволило не только устранить ряд укоренившихся в современной научной литературе хронологических искажений, но и переосмыслить вектор творческой эволюции автора – от ранней подпольно-агитационной и просветительской парадигмы к оперативной риторике революционных лет. Например, обнаружение системной ошибки отождествления румийского календаря (применявшегося в государственном османском делопроизводстве) с летоисчислением по лунной хиджре обосновывает необходимость корректировки года выхода сборника “Unutulmaz közyaşları” на 1918-й. В свою очередь, разграничение кустарного тиражирования (1910) и официального типографского издания (1912) манифеста “Yigirminci asırda tatar milleti…” отражает трансформацию нелегального политического текста в открытую идеологическую трибуну, что репрезентирует общие закономерности эволюции интеллектуального наследия других деятелей этого периода.

2. Анализ специфики поэтики и стилистики публицистических текстов автора, определяющей их риторический и суггестивный потенциал, выявил скрытые механизмы авторских правок, направленных на нейтрализацию исходного социально-критического пафоса. Сплошное сопоставление оригиналов показало, что в зарубежных редакциях рассказа-фельетона “Milliy duyğu” (вошедшего в сборник 1918 г. и перепечатанного в журнале “Emel”, 1931) Сейдамет редуцировал кросскультурные маркеры социального неравенства («мадам», «барышни»), заменяя их автохтонными крымскотатарскими лексемами. На макропоэтическом уровне данный акт авторедактуры сопряжен со сквозной трансформацией метафоры слез (közyaşlar), превратившейся из формы запечатления коллективной травмы в ранней философско-публицистической проповеди автора в инструмент когнитивного прозрения в его зрелом гибридном письме. На микропоэтическом уровне эту ораторскую динамику и мощное воздействие на читателя обеспечивают выверенные синтаксические параллелизмы, градации и лексические повторы.

3. Анализ жанровой динамики произведений и характера их интеграции в широкий философско-идеологический контекст исследуемого периода позволил эксплицировать механизмы идеологической адаптации западной мысли. Рецепция французского позитивизма (в рамках концепции психологической суггестии Ж.-М. Гюйо) послужила риторической базой мобилизационных призывов Сейдамета на страницах газеты “Millet”. Кроме того, жанровый синтез принципов критического реализма и сентиментализма, реализованный с опорой на новеллистическую традицию Г. Сенкевича в гибридных рассказах-фельетонах “Milliy duyğu” и “Cın Mambet”, наглядно продемонстрировал высокую степень интеграции европейских эстетических моделей в национальную публицистику.

4. Оценивая роль публицистического наследия писателя как инструмента гражданской консолидации и ценностной трансформации общественного сознания, выявлено, что эволюция письма Сейдамета, перерастающая из просветительской проповеди в лозунгово-директивную риторику, выступает мощным инструментом объединения нации. Концепты джадидизма получают в ней жанровую и метафорическую форму, а газетное слово переводит ценностную трансформацию сознания в акт сопричастности. Благодаря этому абстрактная идея коллективного единства конвертируется в физически осязаемое чувство, а сам концепт воли (irade) эволюционирует из дефицитарного состояния духа в демиурга национальной истории и стержневую категорию характера (seciye). С позиций рецептивной эстетики преодоление искусственной «фигуры

замалчивания» и конфликта интерпретаций позволяет в полной мере вернуть наследию автора статус важнейшего фактора формирования гражданской идентичности.

Определяя перспективы дальнейшего исследования, следует подчеркнуть, что преодоление историографической лакуны создает условия для сравнительно-типологического анализа риторики Сейдамета в едином дискурсивном поле с текстами ведущих публицистов-курултаевцев (Н. Челебиджихана, А. Айвазова, А. Одабаша, Э. Фейзи, О. Акчокраклы, А. Боданинского, А. Ильмия), а также представителей новой генерации модернистской словесности (А. Гирайбая, А. Лятиф-заде, Ш. Бекторе, М. Ниязи). Начатое исследование целесообразно продолжить в направлении формирования устойчивого методологического базиса для всесторонней реконструкции целостной архитектуры интеллектуальных связей и идейных полемик мусульманского модернизма (джадидизма), актуализировавшихся в период 1917-1918 годов. Дальнейшая работа предполагает расширение источниковой базы за счет включения неопубликованных архивных эго-документов других деятелей эпохи, что позволит детализировать направления изучения литературно-политического процесса начала XX века.

Материалы исследования | Research materials

1. Гирайбай А. Къырым эдебиятына бир бакъыш // Йылдыз. 1995. № 3.
2. Керимов И. Джафер Сейдамет. Икяелер. Симферополь: Тарпан, 2009.
3. Керменчикли Джемиль. Ма-бих-иль ифтихарым – къырымлыкътыр меним гьурурым / сост. Т. Н. Киримов Симферополь: Крымучпедгиз, 2005.
4. Cafer Seydahmet Kırımer. Bazı hatıralar. İstanbul: Emel, 1993.
5. Cafer Seydamet Beyin Jubilesi // Şimalî Kafkasya. 1935. No. 18.
6. Çobanzade B. Qırımtatar edebiyatında qurultaycılıq ve milletçilik. Bakü: Azerbaycan-İlmi Araştırma Enstitüsünün neşriyatı, 1929.
7. İdareden. Cafer efendi Seydahmet // Terciman. 1914. Oktabr 7.
8. Matbuat Kanunu Mucibince // Tanin. 10 Rebiülahir 10 Nisan 1911.
9. Millet cevherleri: N. Çelebicihan, C. Seydahmet, H. Ayvazov, H. Odabaş, O. Murasov, C. Kermençikli, A. Qadrizade: 1917-1920 ss. “Millet” gazetasında basılğan edebiy-publitsistik eserler / haz.: T. Kirimov. Simferopol: Qırımdevoquvpedneşir, 2012.
10. Otar İ. Cafer Seydahmet Kırımer (1889-1960) // Emel. 1960. No. 1.
11. Otar İ. Cafer Seydahmet Kırımer. Mefküre ve Türkçülük. İstanbul: Emel, 1965.
12. Otar İ. Cafer Seydahmet Kırımer. Ülkü ve Türkçülük. İstanbul: Su Yayınları, 1979.
13. Qızıltaşlı C. S. Büyüklük nerde? // Terciman. 1914a. Oktabr 7.
14. Qızıltaşlı C. S. Güyonıñ “Talim ve terbiye-i varis” adlı kitabından // Terciman. 1914b. Oktabr 24-26, 28.
15. Qızıltaşlı C. S. “Terciman” oquyıcılarına! // Terciman. 1914c. Sentabr 26.
16. Şehab Nezihi. Yirminci Asırda Tatar Millet-i Mazlumesi. Dersaâdet, 1912.
17. Seydahmet C. 27 Ağustos // Millet. 1917a. Avgust 28.
18. Seydahmet C. Borisoglebskiyden mektup! // Terciman. 1914a. Noyabr 28.
19. Büyük şairimiz Tuqayın vefatınıñ eki yıl olması münasebetiyle // Terciman. 1915a. Aprel 5.
20. Seydahmet C. Cin Mambet // Millet. 1917b. Noyabr 20-23.
21. Seydahmet C. İçtimaiy dertlerimizden: idaresizlik // Terciman. 1915b. Fevral 25-26.
22. Seydahmet C. İptidaiy mekteplerimiz nasıl islâh edilebilir? // Terciman. 1914b. Dekabr 23-24.
23. Seydahmet C. İş kerek, iş! // Terciman. 1915c. Yanvar 28-29.
24. Seydahmet C. Milliy duyğu: Felyeton // Millet. 1917c. Sentabr 3-5, 7-8, 10.
25. Seydahmet C. Safa Bayazidov ve tarafdarlarına // Terciman. 1915d. Avgust 29.
26. Seydahmet C. Sevebilsek! // Terciman. 1914c. Noyabr 20.
27. Seydahmet C. Unutulmaz Gözyaşları. İstanbul: Kütüphane-i Sûdî, 1918.
28. Seydahmet C. Unutulmaz közyaşları // Terciman. 1917d. Yanvar 22, 28-31.

Источники | References

1. Губогло М., Червонная С. Крымскотатарское национальное движение. М.: Центр по изучению межнациональных отношений, 1992. Т. 2: Документы. Материалы. Хроника.
2. Зайцев И. Крымская историографическая традиция XV-XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Восточная литература, 2009.
3. Зарубин В., Зарубин А. Из истории крымскотатарского национального движения летом 1919-1920 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: Таврия, 1996. Вып. V.
4. Исхаков С. Дж. Сейдамет – политэмигрант в Европе (1920-1930-е годы) // Исторический вестник. 2022. Т. 41. https://doi.org/10.35549/HR.2022.2022.41.003
5. Іванець А., Когут А. Кримськотатарський національний рух у 1917-1920 рр. за архівами комуністичних спецслужб. К.: К.І.С., 2019.
6. Керимов И. XX асырнынъ башларында къырымтатар гуманитар фикрининъ айдын шахслары: монография. Саратов: Амирит, 2023.

7. Куршутов Т. Эпическая проза и публицистика Дж. Сейдамета: тематические мотивы, жанрово-стилевая специфика: дисс. … к. филол. н. К., 2013.
8. Меметова Л. Дж. Сейдаметнинъ «Унутылмаз козьяшлары» икяесинде ашкъ мефкуреси // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2016. № 2.
9. Панова З. Изображение героев в произведении Джафера Сейдамета «Нурлы къабирлер» // Научный вестник Крыма. 2017. № 3 (8).
10. Сейдаметов Э. Проблема этнонима крымских татар в произведениях Дж. Сейдамета // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11. № 2.
11. Студії з Криму. II-IX: Кримсько-татарські студії / ред. А. Кримський. К.: Українська Академія Наук, 1930.
12. Dündar A. Merthan. Japonya Arşivlerindeki İngiliz Belgelerine Göre Kırım Milli Parlamentosu Başkanı Cafer Seydahmet'in Siyasi Faaliyetleri // Karadeniz Araştırmaları. 2006. No. 9.
13. Gasimov Z. Warschau gegen Moskau. Prometheistische Aktivitäten zwischen Polen, Frankreich und der Türkei 1918-1939. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2022.
14. Işık H., Doğan A. Genel Türk Tarihinin Kaynaklarından Süreli Yayınlara Bir Örnek: Kırım Mecmuası // Tarih ve Gelecek Dergisi. 2017. Vol. 3. No. 3.
15. İpek B., Durak A. Cafer Seydahmet'in Hikâyelerinin Kurgu ve Üslup Özellikleri Üzerine Bir İnceleme // Yedi Aralık Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2023. No. 2.
16. Kırımal E. Kırım Türklerinin Millî Mücadelesi. Özellikle 1917-1918 Yıllarında / Terc.: E. Uğur. Ankara: Ötüken Neşriyatı, 2008.
17. Kırımlı H. Kırım Tatarlarında Millî Kimlik ve Millî Hareketler: 1905-1916. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 1996.
18. Özcan Ö. Cafer Seydahmet Kırımer ve Kırım Türklerinin Millî Mücadelesi. Ankara: Bengü Yayınları, 2013.
19. Özkan Ü. Cafer Seydahmet'in Kırım sorununa çözüm arayışları (1918-1920) // Karatay Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2022. No. 8.
20. Sarı M. Cafer Seydahmet'in Raporu: Rusya, Almanya ve Polonya Üzerine Diplomatik Bir Analiz // Uluslararası Doğu Avrupa Araştırmaları. 2024. Vol. 6. No. 2.
21. Uzunağaç E. Cafer Seydahmet Kırımer (1889-1960): Hayatı, Fikirleri ve Eserleri: Doktora Tezi. İstanbul: Marmara Üniversitesi, 2022.
22. Ülküsal M. Kırım Türk-Tatarları. Dünü – Bugünü – Yarını. İstanbul: Baha, 1980.

Информация об авторах | Author information

RU **Киримов Таир Нуридинович**[1], к. филол. н.
[1] Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, г. Симферополь

EN **Tair Nuridinovich Kirimov**[1], PhD
[1] Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol

[1] *tairkerimoff@gmail.com*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.09.2026; опубликовано online (published online): 23.10.2026.

Ключевые слова (keywords): Дж. Сейдамет; Первый Крымскотатарский Курултай; публицистика и нарративная проза; макро- и микропоэтика творческого универсума; история крымскотатарской литературы; J. Seydahmet; First Crimean Tatar Kurultai; journalism and narrative short fiction; macro- and micropoetics of the creative universe; history of Crimean Tatar literature.